



РУСЛАН
АБЛЯЗОВ

ТЕМНАЯ РУСАЛКА

Руслан Аблязов

Темная русалка

«Издательство «Перо»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Аблязов Р. З.

Темная русалка / Р. З. Аблязов — «Издательство «Перо», 2019

ISBN 978-5-00122-900-1

Никто не предполагал, что мир бессмертных, вернее, нестареющих людей, станет экологической утопией. Никому не могло взбрести в голову, что мир нестареющих будет подчиняться таким странным законам. Никто не думал, что в этом мире главной ценностью станет наивность, инфантильность и юношеский максимализм. Эта история об Иделии, которая не просто лишена права рожать, но и физически не способна это делать. Эта история о матери и дочери, об истинной материнской любви, которая ничуть не угасла даже спустя несколько десятков лет.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00122-900-1

© Аблязов Р. З., 2019
© «Издательство «Перо», 2019

Руслан Аблязов

Темная русалка

В театре жизни единственные настоящие зрители – дети.
Владислав Гжецик

©Аблязов Р., 2019

* * *

Круизный лайнер «Жемчужина Медитерии» отличался великолепием и роскошью. Богатство струилось по его коридорам-венам вместе с кошельками-пассажирами, их дорогой одеждой и драгоценностями. Величавый и гордый, лайнер бороздил просторы Средиземного моря.

Я стоял у окна и смотрел, как две стаи косаток выпрыгивают из толщи воды и выполняют трюки. Одна стая плыла напротив, другая – ближе к корме. Еще две стаи делали то же самое с другого борта. Четыре группы китов, одни и те же трюки да еще и почти синхронно – зрелище завораживало. Особенно с верхней палубы, откуда видны все четыре стаи сразу. Это кажется чудом даже для меня – человека, знающего, в чем секрет. Китами, конечно же, управляют через специальный имплант в мозге. Но животных не принуждают, а скорее договариваются на их же языке, неполноценном в сравнении с человеческим, совершенно ином по структуре, но все же языке. Платой служит пища, можно сказать, что касатки работают за еду.

– Они тут каждый день, – отвлек меня голос Иделии, – а ты каждый раз смотришь на них, как в первый.

– Люблю китов, ты же знаешь.

Я обернулся. Иделия уже разделась и входила в джакузи. Изгибы тела, втянутый живот, густые темные волосы – в такие моменты моя жена была настоящим воплощением женственности. Я наблюдал, как она шагнула в джакузи, и ее ноги обхватила вязкая темно-бирюзовая жидкость. Иделия откинула назад волосы, посмотрела на меня и улыбнулась, игриво приподняв ровно эпилированную бровь.

Джакузи в нашем номере не обычное, а с поддержкой сигрениевых массажных ванн. Сигрений – удивительное вещество, оно способно менять свое состояние от абсолютно жидкого до абсолютно твердого в зависимости от электрического поля, которое к нему приложат.

В него можно пустить управляемых наноботов, каждый из которых будет создавать собственную микроскопическую область твердости. Если централизованно управлять ими, можно менять еще и фактуру материала: от стекляннно-гладкого до бархатисто-нежного. Если в ванну с сигрением выпустить достаточное количество наноботов и передать управление ими специальной программе, то можно делать массаж.

Ванна, которая делает массаж на порядок лучше, чем способен человек. Настоящий венец эволюции джакузи. Красиво звучит.

Удовольствие, конечно, недешевое – дорогих наноботов, и не менее дорогой сигрений нужно регулярно обновлять. Но нам с Иделией повезло: целых четыре часа сигрениумного массажа уже входили в нашу программу в качестве специальной опции.

– О! Как приятно, – сказала Иделия, войдя в джакузи. Она водила руками вокруг и смотрела, как переливается между ладонями бирюзовый сигрений. – Я думала, он холодный, а он наоборот – очень теплый, мягкий и приятный.

Я нажал на кнопку подготовки тела. Сигрений мгновенно ожил и начал поглощать Иделию. Она слегка испугалась, попыталась дернуться, но потом успокоилась. «Живой» гель

погрузил ее в себя почти полностью, оставив наверху только голову, после чего вся поверхность вещества затвердела, уподобившись стеклу.

– Внизу он мягче, похоже на пластилин, – сказала Иделия, осмотрев идеально гладкую поверхность вокруг. – Думала, будет трудно дышать, но нет, над грудью он мягкий, словно масло. А что случится, если вдруг отключат электричество? Надеюсь, эту корку можно сломать.

– Ничего не делать. Без электричества весь сигрений сразу же станет жидким, как вода.

Я попробовал разные положения. В одном сигрений так сильно утопил голову Иделии в себя, сковав подбородок, что она почти не могла говорить. В итоге остановились на положении с поддерживающей голову «подушкой», которая буквально вырастала из геля.

– Так, – сказал я, изучая настройки и опции, – а теперь давай посмотрим что тут можно... Массаж тела стандартный... Эромассаж: женский тип, проникновение... Ммм... Он уже автоматически определил, что в нем женщина, рассчитал вес и прочие параметры. Интересные настройки. Ограничение по времени, ограничение по количеству оргазмов, комбинированное.

– Пятнадцати минут мне хватит.

– Еще можно выбрать размер.

– Поставь шестнадцать сантиметров.

– Стой. Тут еще можно поставить автонастройку. Есть «автонастройка стандарт», есть «автонастройка размер плюс».

– Вот, да! Поставь «стандарт».

Вдруг в номер позвонили. Это была Джиселла в своем кибертеле мужского типа. Теле красивом и мускулистом, смуглую кожу которого перемежали хромированные вставки на груди и руках.

– Привет. Ну ты где? В покер играть идешь или нет? – сразу же затараторила Джиселла. Она улыбалась, и мимика была очень живой, неотличимой от человеческой.

– Я это... тут занят немного.

– Кто там? – крикнула Иделия из ванны.

– Джиселла.

– Ну так чего вы там стоите, пусть проходит. Свои все, чего стесняться?

Скрепя сердце, я проводил гостью к своей жене. Что-то во мне сопротивлялось и не хотело, чтобы кто-то, похожий на мужчину, видел Иделию в такой интимной ситуации.

Успокаивало то, что Иделия знала Джиселлу более шестидесяти лет, когда та еще была шуплой и веселой девушкой, задолго до декорпорации.

– Всегда умиляли те, кто еще не избавился от биологического тела, – усмехнулась Джиселла, увидев подругу в затвердевшем сигрении. – На какие только ухищрения не пойдете, лишь бы получить новые ощущения и кайфануть.

– Ой, – закатила глаза Иделия, – кто о чем, а Джиселла все о своем.

– Нет, ты послушай. Я могу использовать любое тело, чтобы получить новое и неповторимое наслаждение. И даже эдениум не нужен, загружу программу в кибертело и буду упиваться чувствами. Любое тело, даже самое невозможное, любая конфигурация органов и источников приятных ощущений...

– Вот-вот! Ты присоединяешься к виртуальному телу и кайфуешь... Виртуальное блаженство от виртуального тела. Наслаждение несуществующим естеством!

– И это замечательно, – сказала Джиселла. – Открываются такие возможности, можно пережить такой опыт, который в обычном теле тебе никогда не получить.

– Нет, это не интересно, это какое-то жульничество! Намного интереснее, когда у тебя только одно единственное и хрупкое тело. Оно твое, родное, неповторимое, в котором ты с рождения...

– Ага, родное до первой аварии или травмы, после которой врачи поленятся латать твое тельце и просто декорпорируют тебя. Твое родное тело слабенькое и легко разрушимое. А я могу быть мужчиной, могу быть женщиной. Я сильнее человека и уж тем более тебя, Идель.

Гостья полушутя полусерьезно начала играть роль всемогущего господина. Подошла ближе, обошла вокруг, встала над Иделией, демонстрируя свое превосходство. Глядела свысока. Лежащая в затвердевшей жиже Иделия невозмутимо посмотрела Джиселле в глаза.

– А еще, – Джиселла села на край ванны, нависла над подругой и сердобольно поправила ей волосы, упавшие на лицо из-за гулявшего сквозняка, – а еще, если вдруг надоест, сменить тело ты не сможешь. Оно слабенькое, мягкое, уязвимо к инфекции. Ты из плоти и крови: если не будешь мыться – начнешь вонять. Тебе надо чистить зубы, соблюдать гигиену, ходить в туалет – это все грязно, мерзко. Фу! А я! А я могу поставить специальные глаза и видеть в ультрафиолетовом диапазоне, поставить эхолокатор и видеть ультразвуком, могу поставить датчики и чувствовать радиоволны, а еще...

– У меня нос зачесался, – перебила ее Иделия. – Джис, почеси, пожалуйста.

Джиселла посмотрела на подругу с дружеской усмешкой, и, почесав нос, продолжила:

– А еще, если ты сломаешь руку или ногу, то будешь ждать два месяца, пока кость срастется. А если ампутируют, то год будешь ждать, когда отрастет заново. А я на следующий день куплю запасную и вуаля...

– Ладно, Джиселла, – снова перебила гостью Иделия. – Я поняла тебя. А теперь смотри: вот ты такая вся крутая и классная, в совершенном кибертеле, видишь далеко, чувствуешь радиоволны, а я такая бедняжка, слабенькая, из кожи и мяса. Допустим, попали мы с тобой в какую-нибудь далекую глушь в дикой зоне, например, в какую-нибудь Новую Зеландию, где вот уже несколько веков нет людей, а медитерианские патрули летают раз в полгода, или, допустим, из соображений экономии, вообще перестали туда летать.

– Я сразу же пошлю сигнал бедствия, и через три-четыре дня меня спасут.

– Ух, какая хитрая. Ладно, давай для чистоты мысленного эксперимента представим, что мы с тобой последние люди на планете. Вот попали мы на необитаемый остров. Что я буду делать? Я обустрою себе хижину, найду пропитание, какие-нибудь клубни, ягоды, фрукты, рано или поздно научусь ловить рыбу, используя подручные средства. Кругом тепло и сыро, я смогу жить довольно долго. А ты? Сколько заряда твоего кибертела хватит? На пять дней. Потом ты обездвижишься. На сколько заряда монокапа хватит? еще на две недели. Потом главный агрегат твоего монокапа отключится. Прекратится ротация и очистка крови. Максимум через час твой мозг утонет в продуктах своей же жизнедеятельности и погибнет. Ладно, допустим, ты будешь просто лежать, заряд кибертела направишь на подпитку батарей монокапа, а сам монокап переключишь в режим экономии. Будешь спать двадцать три часа в сутки. Хватит тебе этого примерно на полгода, это в лучшем случае, без учета всякой мелочевки. Полгода сна и забытия перед тем, как твой разум утонет в продуктах жизнедеятельности мозга. Это я еще не говорю, про питательный раствор для твоего мозга, поэтому ты скорее всего погибнешь раньше. В общем, при любом раскладе твои дни сочтены. Ты будешь лежать неподвижно, а я буду готовить себе еду, добывать пропитание, бегать, прыгать, купаться в океане, мастурбировать в конце концов. Жить! Я буду жить годы, десятки лет, пока не свихнусь от одиночества. Раны на мне будут затягиваться, а твои поломки сами по себе не починятся. В общем, этот мир не для таких как ты. Этот мир для таких как я, которые из кожи, костей и мяса. Ты привязана к цивилизации, привязана к технологической цепочке, без завода, который производит запчасти, и электростанции, которая генерирует электричество, ты не выживешь. А я, наоборот, свободна, я могу пойти куда захочу и питаться тем, что растет на земле и плавает реке.

Я заплодировал своей супруге. Джиселла посмотрела подруге в глаза и усмехнулась.

– Ладно, признаю, в этот раз ты словесно обскакала меня, – сказала она. – Причем обскакала, не вылезая из твердого сигрения. И теперь я, как проигравшая, имею моральное право

как-нибудь напакостить тебе, – она хищно взглянула на панель настроек массажной ванны. – О, у тебя проникновение! Я поставлю двадцать пять сантиметров и максимальную толщину.

И начала с серьезным видом кликать по заблокированному экрану, будто меняет настройки. Разумеется, Иделия экрана не видела и напряглась не на шутку.

– Джис, не балуйся, – прервал я гостью, убрав ее руки с панели. – Я понимаю, для вас, декорпированных, граница интимности размывается, ведь это всего лишь часть кибертела, к тому же заменяемая. Ну я, конечно, догадываюсь, что вы старые подружайки, и между вами допустимы шутки на такие интимные темы, но, пожалуйста, не при мне.

– Извини, Эдвард, – резко оправились гостя. Ее идеальное искусственное мужское лицо даже покраснело.

– Расслабься, все свои же, – улыбнулся я, – просто не надо забываться. Пошли уже в карты играть. И да, возьми женское тело. И надень дизайнерские руки вместо обычных, те, что с анимированным рисунком на коже. Обожаю, когда ты включаешь режим отображения узора в такт музыке.

– Вы, главное, это... – Иделия дала о себе знать – вы, главное, не забудьте включить мне массаж.

* * *

Пятьсот лет назад мир пережил множество потрясений и катаклизмов. Но человечество путем невероятных усилий все-таки возродилось из пепла, и сейчас, в тридцать первом веке, на планете только одно государство – Медитерия – с населением примерно пятьсот миллионов человек. Население распределено в нескольких десятках городов по Европе и вокруг Средиземного моря. Ресурсов хватает на всех: и пищевых, и энергетических. Экосистемы не разрушаются, ни один вид флоры и фауны не находится на грани вымирания по вине человека. Двигатели внутреннего сгорания обложены высокими налогами и используются только там, где действительно нужны. Главные источники электричества – мирный атом и гидроэлектростанции. Пятнадцать процентов Сахары покрыто солнечными батареями. Экологическая утопия. Экотопия! В космос человечество не рвется, и делать ему там, по сути, нечего, если не считать телекоммуникационных спутников. Ресурсы с других планет вывозить экономически нецелесообразно, супердвигателей, как в фантастике, не изобрели, а до ближайших звезд лететь десятки тысяч лет, и польза от этого очень сомнительная.

В тридцать первом веке все одинаково молоды. Человек не стареет. Вообще. Люди забыли, что такое старость, стариков можно увидеть только в исторических хрониках двадцать четвертого века. Сложно найти даже тех, кто выглядел бы на тридцать пять лет. Молодость бесплатна для всех и дана от рождения без предварительных условий. Ткани человека возобновляются с утроенной скоростью, потерянные конечности отрастают заново, больные органы заменяются копиями, выращенными в пробирке, а некоторые и вовсе регенерируют сами по себе.

Так как численность населения строго контролируется, человек становится полноценным гражданином после специальных государственных экзаменов. Каждый ребенок до получения полноценных прав считается имуществом родителей, он просто вещь, и даже его убийство не считается уголовным преступлением. Несмотря на пропаганду и полное отсутствие какой-либо поддержки беременных и семей с детьми, желающие рожать и растить детей все равно есть. При этом не каждый может это позволить. Ведение беременности, врачи-педиатры, учителя, репетиторы – все платно и дорого. Да, желающих иметь детей не много, но их вполне хватает, чтобы держать численность населения на заданном уровне.

Несмотря на почти фантастические достижения медицины, ученые так и не придумали, что делать с менопаузой. Впрочем, и не пытались. Поэтому Иделия сделала резерв из двена-

дцати яйцеклеток примерно сто лет назад. На всякий случай. Три года назад ей что-то стукнуло в голову, и она решила снова занять ребенка. Ну что ж, я согласился. Женщины старше ста лет имеют минимальный приоритет в очереди, поэтому я даже не надеялся на удачу и не планировал такого развития событий.

И вот, спустя три года ожидания, Иделии прислали заветное разрешение.

Не успели мы получить уведомление о разрешении на рождение ребенка, как умудрились поругаться. Я настаивал на искусственной матке, Иделия же хотела выносить сама. Но, чтобы в возрасте ста тридцати лет женское нутро смогло успешно принять яйцеклетку и вырастить эмбрион, нужно пройти курс восстановления, что тоже стоит денег.

– Почему тебе так важно самой выносить его? – наконец задал я ключевой вопрос.

– Кто не занимается рождением, тот занимается умиранием!

– Звучит как цитата из дешевого журнала.

– Я хочу сама произвести ребенка на свет... А, к черту, тебе все равно не понять...

– Да все мне понять. Признайся, без этого ты просто не сможешь насладиться чувством собственности над ним. Ты хочешь быть хозяйкой! Ты родила, значит, он твой и ничей больше. В буквальном смысле плоть от плоти. По-другому ты не сможешь насладиться материнством. Выращивание в искусственной матке где-то там в клинике для тебя как детская игра, как что-то несерьезное. Ты хочешь по-настоящему.

– Хорошо, ты умный и проницательный. Рада за тебя. Но это все не отменяет того факта, что восстановление матки будет в четыре раза дешевле.

– Что у тебя будет – это положительный анализ на рак, а ты собираешься вынашивать сама. Идель, давай купим искусственную, пусть дорого, зато будем спать спокойно. У тебя головной боли мало? Скучно жить?

– Декорпорацию можно и подождать годик. Это не критично.

– Я читал одно исследование про матерей с положительным тестом на рак. Их почти нерезально уговорить пройти декорпорацию. Сначала ждут, потому что хотят кормить ребенка грудью, потом еще что-то, и так находят причины несколько лет. А потом наступает точка невозврата, и болезнь убивает их. А еще неизвестно, как будет протекать беременность и кормление.

– Вот бы сейчас журналы цитировать!

Ненавижу, когда она такая упертая.

– Идель, я знаю тебя, у тебя будет то же самое. Я не хочу рисковать лишний раз. Если вдруг появится рак, то в твоём возрасте он будет непредсказуемым. Я не хочу, чтобы нашего ребенка забраковали после рождения из-за какой-нибудь мелочи, которая пошла не так во время беременности.

Нашим первенцем был Дилан, он погиб в девять лет в автомобильной аварии. Так как наш сын еще не был полноценным гражданином, и его гибель расценивалась как банальное уничтожение имущества, то и виновник особо не препирался. Он сразу же признал вину и выплатил полагающуюся денежную компенсацию.

Потом, в пятьдесят два, Иделия родила Герду. Герда прошла тесты в девять лет, прошла их и в пятнадцать, но не прошла итоговые государственные экзамены в восемнадцать лет. Это было тяжелое время, и требования на экзаменах были особенно жесткими из-за продовольственного кризиса и серьезных проблем в сельском хозяйстве. Она провалила первую попытку в восемнадцать лет, через год провалила еще одну. С третьего экзамена в двадцать лет Герда уже не вернулась. Не знаю, где ее закрыли и что с ней делали, бороться было бессмысленно, по закону она считалась уже мертвой. Говорят, что проваливших экзамены используют в научных и медицинских экспериментах как подопытных животных. Я старался не думать об этом. Вдобавок, нам на пятьдесят лет запретили иметь ребенка, ибо если мы не смогли воспитать дочь, способную пройти госэкзамены, значит, мы плохие родители, и лучше нам не предпринимать очередных попыток к воспитанию новых граждан.

Потом у Иделии наступил климакс. Конечно, в тридцать первом веке есть технология, позволяющая создавать яйцеклетки из костного мозга, но она очень дорогая. И дело не только в цене, а в том, что из-за Медитерианской государственной политики эта технология разрешается к использованию только в особых случаях и по специальным разрешениям. Но Иделия предусмотрела и этот вариант: она заморозила двенадцать своих яйцеклеток. На всякий случай. Что, собственно, через шестьдесят лет и помогло ей получить третий шанс заиметь ребенка.

Случаи, когда одной паре давали разрешение на четвертую беременность, можно пересчитать по пальцам, и среди них нет ни единого, при котором пара лишалась хотя бы одного из предыдущих детей из-за непройденного экзамена. Поэтому, можно быть уверенным, что это наш третий и последний шанс завести ребенка. Двенадцать яйцеклеток немного успокаивают на случай, если ребенок не доживет до первого дня рождения, или если возникнут проблемы во время беременности, так как в этом случае нам разрешат новую попытку. Но лучше лишний раз не рисковать.

Смешно, но теперь я горой стоял за искусственную матку, как за свою собственную. Это было непросто, но я все-таки сумел ее отстоять. Мы несколько раз ругались в пух и прах, но в итоге я просто поставил ультиматум.

– Ладно, я согласна, – сказала Иделия с бесконечной обидой в глазах, – но помни, что этим поступком ты плюнул мне в лицо. Ты просто загнал меня в угол и не оставил выбора. С любимыми так не поступают.

Я сдал нужный биоматериал, яйцеклетка была оплодотворена и успешно подсажена в искусственную утробу. Забавно, но для этого даже не пригодилось участие самой Иделии. Я сделал все сам, имея на руках только ее письменное разрешение. Да, это на грани оскорбления по отношению к Иделии, но зато я был уверен, что исключил главную угрозу нашему ребенку – рак матери.

* * *

Отделение души от тела. Декорпорация – термин из эзотерики, который вот уже более трех веков как неотъемлемая часть жизни человека. От тела, конечно же, отделяется не душа, а мозг. Подобно очистке луковицы, сначала расщепляется кожа, потом расщепляются мышцы, кости и так далее. В итоге остается один лишь мозг с парой ключевых желез и множеством отростков в виде нервов и кровеносных сосудов. Все они купируются для удобства подключения мозга к нейроинтерфейсу и специальному аппарату, который обогащает кислородом и питательными веществами циркулирующую кровь. Потом все это заключается в титановую капсулу – монокап – диаметром примерно с голову человека и длиной полметра.

В тридцать первом веке сорок процентов людей декорпорированы. Но Иделия всегда была против этой процедуры, считала ее неприемлемой для человека.

– А зачем? – говорила жена. – Зачем так долго жить? Зачем стремиться к вечной жизни? Прожил свое – и хватит. Сначала ты поживешь в кибертеле, потом откажешься и от него. Будешь существовать в титановой скорлупе в хранилище душ, полностью лишенный самостоятельности.

Разумеется, это было только на словах, разумеется, Иделия прошла бы декорпорацию при первой же опасности для жизни. Инфантильность, максимализм – атрибут молодости, в мире стариков с внешностью двадцатилетних это особенно ценно. Тем не менее, Иделия чувствовала себя избранной. Разумеется, не выпячивала это на людях, но в глубине души всегда считала себя лучше других. Особенно в сто тридцать лет и с отрицательным тестом на рак, когда половина имеет положительный в сто пятнадцать, а девяносто девять процентов – в сто двадцать.

Как известно, рак – одна из главных угроз долголетия. Для решения этой проблемы ученые откорректировали ДНК человека так, чтобы клетки содержали специальные белки, которые реагируют на молекулярные сигналы, возникающие при превращении клетки в раковую. Белки запускают каскад реакций, и клетка погибает. Так победили подавляющее большинство известных разновидностей рака.

К сожалению, не все, а только большинство и только самые распространенные.

Фундаментальный принцип клеточной биологии гласит, что рак непобедим. С этим невозможно спорить, это невозможно опровергнуть, подобно тому, как невозможно нарушить законы физики. Количество возможных вариаций генетического кода больше, чем число атомов в обозримой вселенной. Пока клетки могут делиться, пока ДНК дочерних клеток отличается от материнской, рак будет непобедим. Из года в год вероятность фатальной хромосомной аномалии все выше и выше. Несмотря на кажущееся здоровье, мутации неумолимо копятся, и в какой-то момент организм поражает особенно изощренная форма рака, возможно, даже ранее неизвестная, едкая и быстро разъедающая организм тысячами мелких опухолей.

Да, неожиданно слышать про рак от человека с внешностью двадцатилетнего. Эти понятия никак не получается совместить в уме. Полные жизни глаза, упругая и подтянутая кожа, физическая сила, красота... и рак. Да, медицина теперь умеет очень многое: умеет находить рак на самых дальних подступах к его возникновению. Фантастика. Когда-то это считалось магией, а сейчас – норма. Те самые белки, что помогают бороться с болезнью, после своей работы оставляют следы, специальные маркеры, если их, например, более одного на сотню тысяч клеток – это повод бить тревогу. После сорока лет человек регулярно сдает анализы, и чем старше, тем чаще. Рано или поздно у него возникнет рак. Рано или поздно результат будет положительным. Человек получит предсказание о своей смерти и у него останется хороший запас времени. Спасибо научно-техническому прогрессу.

После очередной проверки Иделия увидела результат, который заставил посмотреть на мир трезво. Теперь она не особенная. Она такая же, как все. Средняя продолжительность после положительного теста восемь лет, по этой же статистике точка невозврата проходит через три года. Но, конечно же, лучше избавиться от биологического тела в течение полугода. Как хорошо, что я убедил ее использовать искусственную матку!

Иделия лишится тела, родного, единственного и неповторимого, тела, в котором жила сто тридцать с лишним лет. Зато ее плоть переродится в новом облики: в облики нашего общего ребенка.

Иделия всю жизнь наблюдала, как ее друзья и коллеги избавляются от биологических тел и заключают себя в титановые капсулы, и, конечно же, думала, что с ней этого никогда не случится. Все мы так думаем. Сначала Иделия все отрицала, сдавала повторные анализы в разные лаборатории, но этим только несколько раз подтвердила диагноз. Достоверно и совершенно надежно: у нее зачатки рака в правом легком, груди и в правом бедре. Сначала Иделия хотела отрезать больные органы и части тела, а потом вырастить заново, но ей сказали, что это бесполезная возня и пустая трата времени.

Потом жена много плакала, где-то нашла алкоголь, древний, на основе этилового спирта, начала злоупотреблять, стала совсем невыносимой.

– От меня останется просто мозг и больше ничего, – часто повторяла Иделия, когда пьянела. – Мягенький мозг в металлической банке.

Впрочем, и по трезвому повторяла. Смотрела картинки в интернете, на которых был показан монокап в разрезе. Смотрела видео операций на мозге в монокапе. Смотрела видео умельцев, которые вскрывали свой собственный монокап и, продолжая оставаться в сознании, заменяли запчасти в нем. Некоторые даже экспериментировали и вводили в мозг какие-то вещества, чтобы временно парализовать определенные центры в нем. Один горе-блогер даже так умер. Не знаю, зачем Иделия смотрела это, но видео только усугубляли ее состояние.

Потом она начала прогуливать работу. Не просто работу, а свою любимую работу, которой отдала тридцать лет жизни. Иделия думала, что жизнь кончена, и работа больше ни к чему. В итоге чуть не потеряла ее. Хорошо, что руководство отнеслось с пониманием. Обидно было бы потерять должность главного менеджера по рекламе сети кинотеатров.

В итоге Иделия смирилась.

Жить все-таки хочется.

– И теперь я буду зависеть от государства? – однажды спросила она.

– Нет, ты все еще будешь зависеть от самой себя.

– Ключевые запчасти кибертел – монополия государства. еще электричество – без него я погибну, оно даже важнее кислорода. И защищать мое право на жизнь государство будет только в течение срока, который я сама же и оплатила. Хорошо, хоть питательная смесь не монополизирована.

– Иделия, давай без конспирологии.

– Я не прошу им смерть Герды!

– Да при чем тут она?

– Да при том, что я сдаюсь на милость левиафану, который убил нашу дочь!

* * *

Успокаивающие интерьеры, плакаты с простыми объяснениями сложных вещей, брошюры с милыми картинками и поднимающими настроение комиксами про декорпорацию. По коридорам ходят кибертела с приятными и улыбчивыми лицами. В клинике по декорпорации не работают обычные люди. Вообще. Тут трудятся только прошедшие эту процедуру. Оно и понятно: намного легче верить тому, кто уже пережил замену тела, чем доктору из кожи и мяса, не имеющему представления о том, что это такое.

Надпись на бейджике доктора гласила: «Д. Камски». Нормальная кожа у него была только выше плеч и на ладонях, в остальных местах – металл под прозрачным сенсорным пластиком. Механическую наготу слегка прикрывал лишь распахнутый белый халат.

– Сердечно прошу прощения за свой вид, – сказал доктор. – Утром попал в аварию, повредил руку и ногу, пришлось сдать тело в ремонт и воспользоваться запасным.

– Зато наглядно показали главный плюс декорпорации, – улыбнулся я, – не надо ждать, когда пройдут травмы.

Специалисты клиники любят показывать все наглядно, на себе. В их рабочих кабинетах есть специальные шкафы – в них лежат монокапы персонала. Камски открыл шкаф, вынул свою капсулу и сказал:

– Вот, посмотрите на меня.

На титановой капсуле несколько индикаторов и разъем для подключения к внешним устройствам.

– Вот тут – индикатор уровня зарядки, – сказал доктор. – А здесь – уровень запаса питательной смеси. А вот это – отсек для подачи питательной смеси. А тут – дыхательное отверстие. Оно закрывается автоматически при срабатывании специальных датчиков. еще я сам могу подать команду, и оно закроется, в этом случае будет использоваться запас кислорода на экстренный случай. Хватает на три часа.

Камски пояснил, что мозг находится в специальном растворе, он не позволяет развиваться раку. Вводить раствор в живой организм нельзя – откажут почки, откажет печень и еще пара важных систем, а вот на мозг негативного влияния нет, только позитивное.

Процедура декорпорации сопровождается подписанием специального договора, в котором человек фактически соглашается на свое убийство, но не раньше определенного срока. Срок определяется размером денежного взноса в энергетическую компанию. Вместе с этим

предоставляется место в пансионате для декорпорированных. В народе – «хранилище душ». Разумеется, срок можно продлить при дополнительной оплате. Смерть мозга ранее этого срока расценивается как убийство. Точнее так: пока у государства есть средства на поддержание жизни твоего мозга, твое право на жизнь полностью защищено, как только средства кончатся, за тебя уже никто не отвечает. Хочешь жить – плати. Договор можно не заключать, но тогда ты просто умрешь от рака, потому как без договора декорпорация запрещена.

В мире нестареющих людей государство почти ничего не делает бесплатно. Это ключевая составляющая наступившей экологической утопии: нельзя давать человеку расходовать ресурсы впустую. У него даже подобных мыслей быть не должно! Ничего бесплатного, ничего «за просто так», ничего за сам факт твоего существования. За образование платят родители, пенсий нет вообще, медицина платная. Исключений очень мало: декорпорация после положительного теста на рак, декорпорация по другим медицинским показаниям.

Иделия уже прошла последние приготовления: инъекции, анализы, тесты, подписала договор. Смиренная и безропотная, она разделась, легла на кушетку перед камерой расщепления, прикрыла наготу одеяльцем. Говорить жена уже не могла – к ее трахее присоединили специальный патрубок для возможности подключения к аппарату искусственного дыхания, чтобы снабжать мозг кислородом первый час, пока аппаратура не подключится к кровеносной системе. Интубировать нельзя, нужно герметичное соединение и закупорка трахеи выше врезки.

– Не надо бояться, вы проснетесь менее, чем через сутки, – сказал Камски, переключая режимы на аппарате искусственного дыхания. – Сначала все будет казаться сном, потом он постепенно превратится в реальность... Ну все, пускаю усыпляющий газ. Все будет хорошо, не волнуйся.

Камски отошел в сторону, чтобы дать нам попрощаться. Я взял Иделию за руку, мы поцеловались в последний раз. Забывшись, Иделия попыталась что-то сказать, но уже не смогла: ее рот открывался, но звуков не издавал. Сначала она сконфузилась, потом беззвучно засмеялась.

Последние мгновения, когда Иделия видит этот мир своими собственными глазами.

И она тратит эту возможность, чтобы смотреть на меня.

Моя Иделия. Хрупко красивая, женственно слабая, из нежной кожи и плоти, легко повреждаемая, легко ломаемая, мягкая, субтильная и от того еще более родная, лишится всего того, что является неотъемлемой частью ее естества, и будет заключена в грубый, жесткий, тугоплавкий и непрístupный металл. Металл, стекло и пластик.

– Этот мир будет нашим, даже если всю истину в нем заменит сладкая ложь, – повторил я сказанное давным-давно во дворце бракосочетаний.

Через несколько секунд рука жены обмякла. Иделия уснула.

Камски подошел к ней и сдернул одеяльце.

– Да, красивое тело, жалко будет расщеплять, – сказал он деловито, нажимая на кнопки аппарата. Потом заметил мое возмущение.

– Да ладно вам, я все равно увижу ее через камеры. Через пятнадцать минут она останется без кожи. Не насладиться красотой ее тела в последние минуты – кошунство. Если уж вас так волнует этот вопрос, я родилась и прожила женщиной девяносто восемь лет. – Он показал на свой бейдж с надписью «Д. Камски»: – Буква «Д» – меня зовут Даниэлла.

Камера расщепления открылась. Камски посмотрела на Иделию еще и раз и нажала на кнопку. Кушетка уехала в камеру.

Я изучил эту процедуру вдоль и поперек, читал статьи и смотрел передачи в жанре «Хочу все знать»: через час Иделию раскромят лазерами и оставят только череп с позвоночником, через двадцать часов от нее останется только мягкий и беззащитный мозг, подключенный к аналогу сердца.

Я взял еще одну брошюру с рекомендациями, которые уже знал наизусть, и пошел домой.

Декорпорация длится от недели до трех. Большую часть времени занимает обучение мозга взаимодействию с нейроинтерфейсом и обучение нейроинтерфейса работе с мозгом.

Кибертела бывают двух видов: со слотом для монокапа и без слота. Если кибертело без слота для монокапа, как у Даниэллы Камски, то тело может управляться только удаленно. Если есть слот, то, помимо удаленного управления, человек, вернее его мозг, может находиться внутри тела. Это и есть основной режим работы. Удаленное управление применяется не так часто, потому что ограничивает передвижение зоной уверенного покрытия беспроводной связи.

Кибертело мы с Иделией заранее выбрали вместе. По дизайну и внешнему виду кибертела тоже сильно отличаются друг от друга: некоторые очень реалистичные, некоторые подчеркнуто роботизированные. У реалистичных тел всегда есть элемент, по которому можно понять, что тело не биологическое: узор на лице из нарочито искусственного материала, глаза ненатурального цвета, прозрачная кожа на тыльной стороне ладони и так далее. Таковы правила хорошего тона: показать, что твое тело искусственное. Тела без подобных атрибутов покупают в основном богачи, политики и снобы.

Денег мы не пожалели, заранее купили одну из самых качественных моделей. Также не пожалели денег на воссоздание родных глаз Иделии, лица, волос, фигуры. По бокам шеи и верхней части груди модели был красивейший рисунок из переливающихся на свету полупрозрачных и разноцветных вставок.

У Иделии процедура декорпорации заняла одиннадцать дней, что довольно быстро для такого старого мозга. На двенадцатый день мы уже вместе вышли из клиники.

– Теперь всю оставшуюся жизнь я буду постоянно оглядываться на уровень заряда батарей, – сказала она, рассматривая свои руки и щупая себя во всех местах, – или, как минимум, батареи монокапа...

– Чем это отличается от приема пищи три раза в день?

– Раньше тело не выключалось даже после недельного голодания.

– Зато какие возможности тебе открываются сейчас!

Очевидно, секс был первым, чем мы занялись, придя домой.

Постепенно жизнь вернулась в старую колею. В клинике в искусственной матке росла наша дочь – Зара. Сама Иделия, как ни странно, почти не расстроилась из-за потери тела, в котором родилась и прожила сто тридцать лет, при этом активно изучала новые возможности: регуляция болевого порога, улучшенный слух, зрение в различных диапазонах, обоняние с возможностью чують одни запахи и не ощущать других, регулируемая чувствительность кожи. И, конечно же, физическая сила. О, как она наслаждалась тем, что теперь сильнее меня. Исчез страх повреждений и травм, которые для обычного человека стали бы несовместимы с жизнью. Чего нельзя было вернуть, так это чувства вкуса. «Но так как еда теперь не нужна, то не такая уж большая потеря», – говорила Иделия.

* * *

Тем временем, из другой клиники пришло уведомление об успешном прохождении десятидневной отметки. Заре уже семьдесят дней. В этот же день мне исполнилось сто шестьдесят лет. Иделии я купил три ампулы метамирина, который вот уже более пяти веков успешно замещает запрещенные к продаже алкогольные напитки: он обладает наркотическим эффектом, но при этом практически не токсичен и не вызывает зависимости. Себе же я купил бутылку тамири – прохладительного напитка на основе метамирина.

Иделия возилась у плиты. Настроение у нее было превосходным, видимо, тоже получила уведомление о развитии Зары. Жена готовила блюдо в честь дня рождения – лагман. Инте-

ресно, каково это – готовить еду и при этом не иметь возможности даже попробовать ее? Иделия попросила меня попробовать. Сказал, что нужно немного подсолить.

После работы жена обычно вынимала из себя монокап и управляла телом по беспроводной связи. Пока Иделия накладывала мне лагман, я ушел в комнату и вставил ампулу с метамирином в отсек монокапа для питательной смеси. Жаль, что нельзя заставить монокап принять вещество извне, а не только когда владелец сам подаст сигнал.

– Что ты мне вставил? – игриво спросила Иделия, когда я сел за стол.

– Сюрприз!

– Ну что ж, попробую, – она прикрыла глаза и застонала. – Ох! Как классно!

На пару минут ее тело застыло. Метамирин подействовал. Иделия кайфует. Отключилась от тела, чтобы ничто не могло помешать наслаждению.

Через минуту кибертело ожило. Я ел лагман, а Идель сидела напротив. Полупьяная, на грани эйфории, но еще адекватная. Она уже научилась пользоваться сложной мимической системой кибертела.

– Не завидуешь? – спросил я.

– Чему?

– Ну, что нельзя есть еду, которую готовишь.

– Сейчас почти не завидую... Но зато не надо ходить в туалет, не надо мыться и ничего не болит. Это классно!

Помолчали.

– Кстати, я хотела пригласить твоих родителей, – заговорила Иделия, – но передумала.

– Зачем? Папа все равно бы не пришел, а мама... пришла бы, но говорить с ней не о чем.

– А я бы с удовольствием встретила со своими родителями. Обидно, что они отказались от декорпорации. Пройдя через это, могу сказать, что все не так страшно, как они описывали. Интересно, какие у них были бы обличия в эдеинуме... Особенно у мамы. Но ты прав, мне с ними тоже не о чем было бы разговаривать.

– Как я понял, скоро у меня тоже не будет мамы.

– Почему?

– В последний раз она попросила, чтобы я больше не прибавлял ей время... Ей надоело.

– Эх, жаль, она была классной девушкой.

– Она и сейчас классная, – усмехнулся я, – просто не знает, зачем жить. Она уже так долго в эдениуме, что почти потеряла связь с реальностью, даже с кибертелом управляется коряво. Если просуммировать, то за последние десять лет она провела реальном мире примерно шесть суток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.